

2. *Джохадзе, И.* «Homo faber и будущее труда» [Электронный ресурс] / И. Джохадзе. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/logos/2004/6/homo-faber-i-budushhee-truda.html>. – Дата доступа: 10.02.2024.

3. *Сидорина, Т. Ю.* Цивилизация труда: заметки социального теоретика / Т. Ю. Сидорина. – СПб.: Алетейя, 2014. – 400 с.

4. *Бауман, З.* Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / З. Бауман, Л. Донскис; пер. с англ. А. И. Самариной; науч. ред. Т. Н. Раков. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 368 с.

5. *Багдасарьян, Н.* Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н. Багдасарьян, А. Кравченко // Логос. – Т. 32, № 6. – 2022. – С. 245–272.

6. *Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

7. *Тощенко, Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко // Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

8. *Welzel, C.* Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation / C. Welzel. – Cambridge University Press, 2014. – 472 p.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

И. Н. Сидоренко, Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko, G. A. Lichevsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+378

ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО НЕОМАРКСИЗМА

A. GRAMSCI'S THEORY OF HEGEMONY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NEO-MARXISM

В настоящем исследовании авторы обращаются к идейному наследию А. Грамши как основоположника неомарксистской парадигмы XX в. Исходя из фундаментального характера идей итальянского мыслителя, получивших новое содержательное выражение на разных этапах эволюции социально-политической теории, прослеживаются основные пути рецепции и адаптации «теории гегемонии» А. Грамши в контексте социально-политической идей представителей русского неомарксизма, в частности Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, а также обосновывается их значимость для осмысления социально-политических культурных вызовов современности.

Ключевые слова: гегемония; идеология; исторический материализм; культура; неомарксизм; капитализм.

In this article, the authors refer to the ideological legacy of A. Gramsci as the founder of the neo-Marxist paradigm of the twentieth century. Based on the fundamental nature of the ideas

of the Italian thinker, which received a new meaningful expression at different stages of the evolution of socio-political theory, the authors trace the main ways of reception and adaptation of Gramsci's «theory of hegemony» in the context of socio-political ideas of the Russian neo-Marxist representatives, in particular, L.D. Trotsky and N.I. Bukharin, and substantiate their significance for understanding the socio-political cultural challenges of modernity.

Keywords: hegemony; ideology; historical materialism; culture; neo-Marxism; capitalism.

Получив становление как доктрину социальной эмансипации, теоретическое наследие К. Маркса претерпело процесс пересмотра в контексте национальной специфики каждого из государств, сопряженный, с одной стороны, с развитием классической революционной теории посредством обращения к естественнонаучной концепции Ф. Энгельса, выступившей в качестве концептуального основания «ортодоксального марксизма», а с другой – тенденцией к преодолению ее экономического детерминизма, в условиях развития общественных форм хозяйствования и выделении среднего класса, лишавшегося релевантного статуса в аспекте валидных перспектив достижения социального равенства. Как следствие, вектор исторической адаптации марксизма оказался вариативным. Так, на раннем этапе своего формирования философия неомарксизма коррелировала с переоценкой роли экономических отношений в аспекте инстанции, детерминирующей последующее социальное развитие. Вместе с тем, на территории Советского Союза главенствующей идеологемой в оценке марксизма стало дуалистичное учение материализма и историзма, что инициировало разграничение неомарксистских течений, в том числе по территориальному признаку – на восточный и западный. В горизонте диалога восточного и западного неомарксизма особый интерес представляет анализ развития идей марксизма, исходя как из их взаимной позиции антиподов, так и из сложившихся социально-политических условий. Именно этим объясняется выбор персоналий: А. Грамши, Л. Троцкий, Н. Бухарин.

Возникший как антитеза западному «ортодоксальный» марксизм, кодифицированный в трудах В. Ленина, выразился в стратегии реализации революционной повестки на территории недостаточно развитой страны, население которой в большинстве было лишено классового сознания. В этой связи В. Лениным был осуществлен пересмотр классической теории К. Маркса, подразумевавший создание группы «профессиональных революционеров», призванных осуществлять активную инициацию пролетарских идеалов крестьянству – тезис, вошедший в программу большевизма. Л. Троцкий и Н. И. Бухарин придерживались альтернативной позиции в отношении общественного развития. Однако если первый, предложив концепцию «перманентной революции», настаивал на мировом характере революции, то Н. Бухарин, следуя курсу В. Ленина, признавал возможность ее осуществления на территории отдельно взятой страны. В результате позиция Л. Троцкого и Н. Бухарина была раскритикована пришедшими к власти большевиками как оппортунистическая, что как следствие, ознаменовало

становление тоталитарного режима на территории СССР под руководством И. Сталина. Предпосылки к этому обнаруживаются в характере большевистской доктрины: требуя радикализации общественных противоречий, она предьявляла запрос к дегуманизации общественных отношений, на практике обернувшегося в масштабный террор против декларативных врагов коммунистического режима.

Получив становление в атмосфере идейного кризиса классического марксизма, обнаруживаемого в прецедентах безуспешности европейских революций начала XX века (Германия, Италия) и дискредитации марксизма-ленинизма И. Сталиным, социально-философская теория А. Грамши [1] ознаменовала разработку принципиально отличной от воззрений К. Маркса концепции общественного реформизма, предполагавшей построение социалистического государства посредством реформ и преобразования тезиса о материальной диктатуре пролетариата в специфическую форму идеологии. Основания этому обнаруживаются как в альтернативной трактовке историко-материалистического развития общества, так и в отходе итальянского мыслителя от абсолютизации класса пролетариев как авангарда и первичного агента революции. А. Грамши стремился преодолеть экономический детерминизм теории К. Маркса, указывая, что действительным актором диалектического историцизма является человек как синтез материального и идеального. Именно поэтому лишь единство общественных и персональных характеристик может опосредовать социальное развитие. Природа в этом случае представляет синтез объективного и субъективного в мышлении, что позволяет экстраполировать практическую философскую деятельность на широкие массы, тем самым делегируя угнетаемым членам общества активную роль в преобразовании политического строя. В этом случае А. Грамши применял понятие «гегемонии», описывая переход непосредственно философии в политику, при котором рабочий класс обретает перспективу преодоления социального неравенства. Целесообразно отметить, что состояние гегемонии, по мысли А. Грамши, определяется не только способом осуществления власти, но также всеобщей социальной конвенцией, лишенной агонистической составляющей. Основополагающим механизмом власти в данном случае оказывается неявное принуждение, обнаруживающееся в совокупности мировоззренческих установок субъекта, под который мимикрирует господствующий класс, конституируя специфический тип культуры и «коллективной воли». Как следствие, перспектива осуществления полномасштабной социальной революции оказывается под вопросом в виду фактического отсутствия угнетения в отношениях между различными социальными группами, а также идеологической ангажированности их представителей. Поэтому, согласно точке зрения А. Грамши, единственным способом воздействия на гегемонию оказывается последовательная солидаризация представителей класса интеллигенции как наделенного возможностью критически воспринять любой тип культуры и активно его преобразовывать. Соответственно, диспозиция социаль-

ных классов не является статичной, но постоянно развивается в различных формах идеологии.

Отход от следования каноническим воззрениям К. Маркса в данном случае оказался продиктован практическим несоответствием реалий «манчестерского капитализма» социально-экономической практике ряда европейских государств (Италия, Германия, Франция). Возникающие в этой связи коллизии на пути осуществления революционных социальных изменений выявили необходимость в пересмотре марксистских заветов с позиций либо абсолютизации революционной доктрины с производным возрастанием социального насилия и авторитаризма, либо пересмотра ее методологических оснований, т. е. «мыслительного вмешательства в революционную теорию ради общества в целом, а не отдельного класса» [2, с. 8]. Таким образом, на этапе концептуальной разработки раннего европейского неомарксизма приоритетной задачей социальной теории выступало примирение теоретических и практических факторов общественного производства с целью обосновать проект социальной эмансипации с учетом фактора культурной коммуникации, вытесняющей представления об экономическом отчуждении субъекта.

Совершенно иными оказались предпосылки развития российской версии неомарксизма, представленной именами Л. Троцкого и Н. Бухарина. Так, если в Европе основной детерминантой революционной активности выступало индустриальное общество в совокупности его экономических и правовых институций, то в России общество базировалось на аграрной экономике, что усложняло задачу в осуществлении революции, так как фактических предпосылок для формирования прогрессивного мышления, «осознания революционным агентом себя как класса» не было. Соответственно, запрос на пересмотр базисных оснований марксизма выступал необходимым условием для осуществления сначала буржуазной, а затем социалистической революции. В этом ключе В. Лениным, Г. Плехановым и Л. Троцким разрабатывался проект «большевизма», требующий формирования революционного авангарда – немногочисленных групп революционеров-пролетариев, которые смогли бы транслировать конструктивную повестку массам крестьян на основании исходного синтеза материальных и духовных факторов в развитии общества.

В результате, по итогам двух революций 1905 и 1917 гг., реализовать марксистский проект в СССР удалось, однако очень скоро он оказался дискредитирован, во-первых, ростом бюрократии в советской модели хозяйствования; во-вторых, возрастанием «партийного централизма» в отношении властного регулирования обществом. Таким образом, необходимость в пересмотре марксизма в его ленинской интерпретации ознаменовало зарождение альтернативных партийному курсу воззрений, представленных в трудах Н. Бухарина и Л. Троцкого.

Так, в первом случае на авансцену социальной теории помещается представление о революционной эстетике как медиаторе социально-политиче-

ских противоречий. В этом контексте Н. Бухарин творчески перерабатывает идеи А. Богданова об обществе как системно координированной системе, указывая, что условием стабильности этой системы выступает тождество противоречий в актуальный момент развития. Условием подобного тождества и выступает эстетическая практика, которая является высшей формой человеческой деятельности, гарантом гармонии между индивидуально-личностной средой и социальной системой: «Задача искусства – не только обличение недостатков, теневых сторон социалистической действительности, но прежде всего и главным образом выражение основной тенденции – утверждения новой, социалистической жизни» [3, с. 255]. Таким образом, условием гармонизации социальных противоречий, согласно мысли Н. Бухарина, выступает обеспечение компромисса между частными и общими интересами, что, в свою очередь, требует корректной культурной политики.

Сходным образом рассматривает роль культурной практики А. Грамши. Выступая продуктом деятельности интеллектуалов, каждый из которых, будучи непосредственно вовлечен в культурную сферу, культура имплицитно обнаруживает способность к трансляции конструктивной политической повестки, другими словами, такая «позитивная» культура обладает потенциалом для примирения классовых противоречий. Однако, ввиду перманентного конфликта между государством, в большей степени заинтересованном в сохранении статус-кво, и интеллектуалами, единственным адекватным источником социального развития, согласно мысли А. Грамши, оказывается стратегия последовательной экстраполяции соответствующих задаче в построении общества «снятого противоречия» идей и взглядов, т. е. гегемонии. Таким образом, приоритетным в аспекте социально-политической практики А. Грамши признается синтез революционной теории и практики как тождества идеального и материального в мышлении, в то время как источником общественных противоречий выступает культура в ее объективированно-идеологической форме, на практике оказывающей репрессивное давление [4, с. 43]. В результате, отход А. Грамши и Н. Бухарина от понимания сущности общественного развития как экономически детерминированного оказался важнейшей предпосылкой для развития неомарксистской теории в реалиях общества «зрелого капитализма» второй половины XX в., коррелирующий, с одной стороны, с масштабным распространением институтов представительной демократии, а с другой – с либерализацией советской идеологии и отказа от построения социализма революционным путем.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные подходы к рецепции теории гегемонии в трудах Л. Троцкого – мыслителя, предложившего альтернативный В. Ленину и, в последующем, Н. Бухарину, проект «советского марксизма». Отправным пунктом социально-политических изысканий Л. Троцкого выступила ориентация на синхронизацию революции в отдельно взятой стране и революции мирового масштаба. В этом мыслитель следовал мысли В. Ленина о единстве исторического и диалектического материализма, утверждающей практический характер

философии и ее фактический синтез с социально-политической практикой [5, с. 41]. Вместе с тем, для Л. Троцкого не вызывало сомнения нереализуемость революционного проекта в условиях «автономизации РСФСР» ввиду отсутствия достаточных экономических предпосылок.

В этой связи идентификационной меткой революционного проекта Л. Троцкого выступает теория «перманентной революции», конечной задачей которой предстает консолидация пролетариев и крестьян как результат отхода от партийного централизма в отношении социальной политики: «Наша буржуазная революция, заключаю я, лишь в том случае сможет радикально разрешить свои задачи, если пролетариат, при поддержке многомиллионного крестьянства, сможет сосредоточить в своих руках революционную диктатуру» [6, с. 3]. Соответственно, в представлении Л. Троцкого, условием перехода к социалистическому обществу выступает свободный характер коллективной рабочей деятельности, что, ввиду общности интересов пролетариев быть свободными в труде, открывает измерение прогрессивного сознания – конструктивной идеологии. Исходя из этого, целью коммунистической партии на начальном этапе социалистических преобразований становится координация действий рабочих до этапа возникновения в них революционной, т. е. рефлексивной идентичности. Вместе с тем, учитывая факт того, что преобладающей общностью в Российской Империи выступали крестьяне, лишенные классового сознания, Л. Троцкий развивал идею В. Ленина об «экспорте революции» в мировом масштабе с целью, во-первых, привлечь в зарождающееся Советское государство иностранный капитал и тем самым подготовить почву для скорейшей индустриализации, а во-вторых, обеспечить условия перехода к конструктивному классовому мышлению. Таким образом, гегемония в понимании Л. Д. Троцкого предстает как «замыкающее звено» социального развития, которое не является опосредованным государственной репрессией на этапе перехода к полноценному социалистическому обществу.

Немаловажно отметить, что, как и в контексте идей А. Грамши и Н. Бухарина, важную роль в социально-философской концепции Л. Троцкого играла эстетика. Так, обращаясь к литературе как приоритетной форме философского абстрагирования окружающего мира, мыслитель указывал, что условием тождества между материей и духом в социальной практике выступает непосредственное корреспондирование происходящих в обществе процессов в литературной форме [7, с. 146–147; 8]. Таким образом, масштабное образование и революционная агитация оказываются не только атрибутами определенной политической технологии, но также выступают условием просвещения масс и, соответственно, роста их сознательности.

Итак, в качестве первого вывода нашего анализа отметим, что перспектива построения социалистического государства в соответствии с программой классического марксизма подтвердила свой неосуществимый характер в призме развития индустриального общества, сопряженного с отходом от классового антагонизма и соразмерным ростом благополучия

ранее угнетаемых пролетариев. На этом основании развитие получила теория построения социалистического общества путем осуществления последовательных реформ А. Грамши. Однако установка на конечную консолидацию народных масс в форме специфической идеологии обнаруживает имплицитную тенденцию к эскалации социальной репрессивности как следствия унификации способов самовыражения общественного субъекта в виде объективированной политической свободы и пропорциональной массовизации.

Во-вторых, тоталитарный характер политических режимов в первой половине XX в. оказался сопряжен с процессами массовизации общественного субъекта, произошедшей в результате развития капиталистических отношений, а также сциентизации проекта социального преобразования. В определенной степени тенденцию к превращению демократии в тоталитаризм обнаруживаем в идеях А. Грамши о перспективе демократизации общества при отсутствии классовых противоречий, которые имплицитно содержат в себе признаки тоталитарных идеологий вследствие императивной необходимости субъекта реализовывать квазиестественную свободу в политизированных формах, тем самым претерпевая отчуждение. Именно с преодолением этой опасной тенденции будет связана установка на «Великий отказ» в интеллектуальных течениях 60-х гг. XX в.

В качестве третьего вывода правомерно отметить, что «теория гегемонии» А. Грамши оказала значимое влияние на философию неомарксизма XX в. как в ее западной, так и советской версиях, подтверждение чему обнаруживаем в фундаментальном характере ее постулатов: транспозиции с абстрактно-исторического на конкретно-практической модус социальной практики, а также акцентуации роли идеологии в обществе. Обретая на каждом из этапов эволюции неомарксизма новое теоретическое содержание, но сохраняя заданную А. Грамши форму, концепт «гегемонии» подтверждает свою неоспоримую адекватность реалиям XXI в., свидетельством чему выступает актуализация идей итальянского мыслителя в рамках постмарксистской парадигмы.

Список использованных источников

1. *Грамши, А.* Тюремные тетради: в 3 т. / А. Грамши. – М.: Политиздат. – Т. 1. – 560 с.
2. *Михайлов, И. А.* Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований / И. А. Михайлов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – Ч. 2: 1940–1973 гг. – 294 с.
3. *Иовчук, М. Т.* Кратки очерк истории философии / М. Т. Иовчук; под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – М.: «Мысль», 1971. – 1054 с.
4. *Андерсон, П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического марксизма / П. Андерсон; пер. с англ. – М.: Common place, 2016. – 350 с.

5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23: Три источника и три составные части марксизма. – С. 40–48.

6. Троцкий, Л. Д. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий // Электронная библиотека «Library.kr.ua» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.kr.ua/wp-content/elib/elmuseum/zem/trotskyi_revolution.pdf. – Дата доступа: 19.01.24.

7. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – М.: АСТ, 2023. – 512 с.

8. Saccarelli, E. Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism / E. Saccarelli. – Oxfordshire: Routledge, 2009. – 324 p.

(Дата подачи: 12.02 2024 г.)

Н. В. Струтинская

Белорусский национальный технический университет, Минск
Республиканский институт высшей школы, Минск

N. Strutsinskaya

Belarusian National Technical University, Minsk
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 316.7:004

ПРАКТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

PRACTICES OF VISUAL DIGITAL COMMUNICATION AND CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY

Изучение коммуникативных процессов способствует осмыслению проблем современного общества. В условиях функционирования «новых медиа» возможно полноценное участие отдельного человека в конструировании социальной реальности. На основе анализа трансформации практик визуальной коммуникации выявлены проблемы цифрового общества: изменение практик видения, мышления, а также необходимость цензуры изображений и проблематизация социальной нормативности в отношении публичного и частного, личного и профессионального.

Ключевые слова: визуальная коммуникация; практики коммуникации; цифровое общество; социальная реальность; социальное конструирование.

The study of communication helps to understand the problems of modern society. In the conditions of “new media”, full participation of an individual in the construction of social reality is possible. The transformation of visual communication practices has revealed problems in digital society: changing the practice of vision, thinking, as well as the need to censor images and problematization of social norms in relation to public and private, personal and professional.

Keywords: visual communication; communication practices; digital society; social reality; social construction.